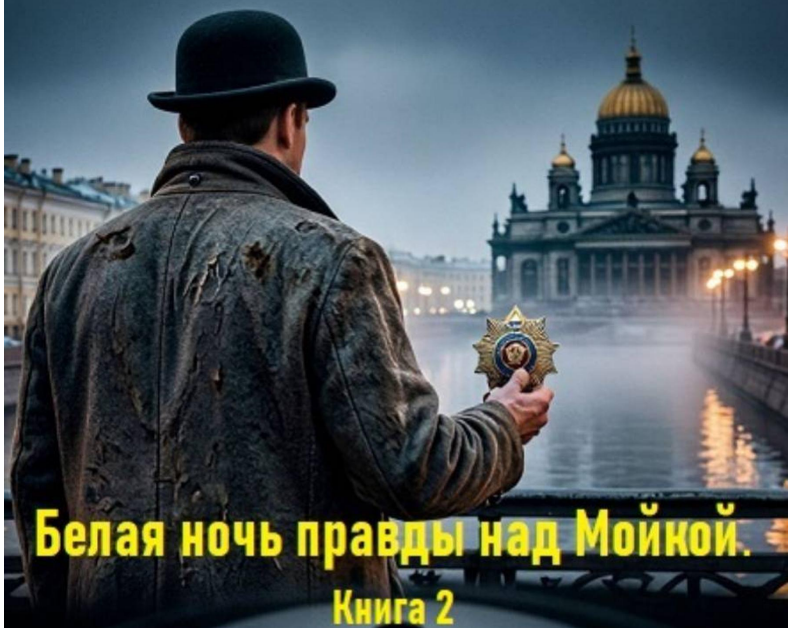

Белая ночь правды над Мойкой.

Книга 2

A graphic element at the bottom of the cover featuring three black silhouettes of figures in trench coats and hats, each holding a handgun. The central figure is slightly behind the other two, who are positioned on the left and right sides.

Владимир Кожедеев

Владимир Кожедеев

Белая ночь правды над Мойкой. Книга 2

<https://litres.ru/74027771>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прошло полтора года после того, как Иван Бываев посадил на каторгу главного врага своей жизни — ростовщика и убийцу Кандидова. Жизнь, кажется, наладилась: Бываев служит помощником пристава в Казанской части, живёт с женой Матрёной в казённой квартире на Мойке, пьёт чай по вечерам с верным другом Чумаком и молодым писарем Находкиным.

Но покой этот — обманчив.

Из Парижа приходит страшная весть: Кандидов бежал из тюрьмы «Санте» при загадочных обстоятельствах. Вскоре в Петербурге находят первые трупы — с той же запиской «Должник», что и в старые времена. Почерк — тот же, каллиграфический, с завитушками. Но Кандидов мёртв. Или нет?

Выясняется, что у покойного преступника есть сын — Николай, молодой, образованный, жестокий. Он поклялся отомстить за отца, уничтожить всё, что дорого Бываеву, и продолжить «дело», на котором наживалась его семья.

Бываеву предстоит новая война — с тенью, которая оказалась опаснее оригинала. Но кто на его стороне на этот раз? Старые друзья, чудом выжившие после...

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	14
Глава 3.	24
Глава 4.	36
Глава 5.	45
Глава 6.	55
Глава 7.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владимир Кожедеев

Белая ночь правды над Мойкой. Книга 2

Глава 1.

Санкт-Петербург, апрель 189* года. Весенняя капель.

Нева вскрылась в ночь на Благовещение — с грохотом, треском и таким могучим напором, что вода поднялась на полтора аршина выше обычного, затопив набережные и подвалы. Льдины плыли по реке, сталкиваясь, крошась, наползая одна на другую, и этот тяжёлый, доисторический шум стоял над городом день и ночь, напоминая о том, что Петербург стоит на воде, что вода здесь — главная сила, главный враг и главный судья.

Бываев шёл на службу ранним утром, наслаждаясь непривычным теплом. Весна в этом году пришла рано — ещё в марте начали таять сугробы, а к апрелю снег остался только в грязных кучах у дворницких будок. Небо было бледно-голубым, с редкими облаками, похожими на клочья ваты, и солнце — робкое, ещё не по-настоящему греющее — уже поднималось над Адмиралтейской иглой, разливая по городу жидкий золотистый свет.

Бываев шёл не спеша, вдыхая запахи оттепели — сырой земли, прелых листьев, лошадиного навоза, смешанного с талой водой. Последние полгода его жизнь текла ровно, как хорошо смазанный механизм. Служба в Казанской части шла своим чередом — мелкие кражи, пьяные драки, редкие поимки воров. Никто в него не стрелял, не подсылал убийц, не травил в газетах. Матрёна перестала кричать по ночам и даже начала улыбаться — по-настоящему, без надрыва. Казённая квартира на Мойке обжилась, пахла пирогами и сушёными травами, и по воскресеньям к ним приходили гости — Находкин, Чумак, иногда сам Шереметев, который в домашней обстановке терял свою официальную суровость и превращался в добродушного усатого балагура.

«Кажется, — думал Бываев, сворачивая на Екатерининский канал, — начинается та самая жизнь, о которой я мечтал три года. Тихая. Мирная. Человеческая».

Он даже заулыбался своим мыслям.

В участке, однако, его ждал сюрприз.

Шереметев сидел за столом не в своей обычной расслабленной позе — полулежа, с газетой и стаканом чая, — а прямо, как на приёме у генерал-губернатора. Лицо его было серым, глаза — красными, будто он не спал всю ночь.

— Бываев, — сказал он, не поздоровавшись, — дверь закройте. И сядьте.

Бываев закрыл дверь, сел на стул, и вдруг почувствовал тот самый холодок в спине, который знаком каждому, кто

когда-либо ждал плохих новостей.

— Письмо из Франции, — Шереметев протянул ему лист бумаги — официальный бланк Министерства юстиции, с сургучными печатями и французскими штемпелями. — От их министра юстиции — нашему. А наш — мне. Коротко. Кандидов сбежал.

Бываев взял письмо, но читать не стал — и так всё понял.

— Как?

— При помощи неизвестных лиц, — Шереметев усмехнулся. — Как именно — французы не уточняют. То ли подкупил надзирателей, то ли его вытащили с воли. Знают одно: тюрьму он покинул три недели назад. И, по оперативным данным, уже в России.

— В России? — Бываев почувствовал, как кровь отливает от лица. — Он что, с ума сошёл? Его здесь ждёт каторга.

— Его здесь ждёт месть, — поправил Шереметев. — Он человек больной, Бываев. Больной на всю голову. Ему терять нечего. Жизнь он уже проиграл. Но он хочет забрать с собой тех, кто его посадил. Вас в первую очередь.

Бываев молчал. Перед глазами встало лицо Кандидова — белое, перекошенное яростью, каким он видел его в последний раз, в гостинице «Астория», когда диктофон записывал его признание. «Вы ещё пожалеете, Бываев», — сказал он тогда. И вот — пожалуйста.

— Что приказано делать? — спросил Бываев.

— А ничего, — развёл руками Шереметев. — Француз-

ская полиция ведёт своё расследование, наш МИД подключён, но толку? Кандидов уже здесь. Он не дурак. Он не будет сидеть на месте и ждать, пока его схватят. Он будет прятаться. И мстить.

— Мне приказано сидеть сложа руки?

— Вам приказано... — Шереметев помедлил, — ...приказано провести негласное расследование. Сами понимаете: официально ни я, ни вы ничего не знаем. Письма не было. Побега не было. Кандидов — мёртв для России. Но вы, Бываев, человек частный. И вы можете... интересоваться. Спрашивать. Копать.

Бываев усмехнулся.

— То есть если меня убьют — начальство скажет, что я действовал на свой страх и риск?

— Именно, — серьёзно кивнул Шереметев. — Не взыщите. Такова наша служба.

Бываев вышел из кабинета, спустился в архив — туда, где когда-то начинал свою новую жизнь. Калистратыч, старый архивариус, копался в подшивках, чихая от пыли.

— Иван Алексеевич? — удивился он. — Вы ж теперь не работаете внизу, вы ж важная птица. Зачем пожаловали?

— Дело вспомнить одно, Калистратыч. Трёхлетней давности. Убийство ростовщика Векслера на Лиговке.

Калистратыч pokrхтел, почесал затылок.

— Векслер? Это который с перстнем? Помню, помню. Золотой такой, с монограммой. Красивая вещица была. Жаль,

пропала.

— Пропала, — повторил Бываев. — А вы не помните, кто вёл обыск?

— А кто ж его вёл? — Калистратыч понизил голос. — Покойный теперь. Околоточный Степанов. Его потом убили при задержании бандитов. Говорят, не случайно убили.

— А куда дело дели? Бумаги?

— Бумаги — вот они, — Калистратыч указал на стеллаж. — Папка «Дело № 117, Векслер, убийство». Только там ничего нет. Пустая папка. Все улики исчезли вместе с перстнем.

Бываев взял папку, открыл. Внутри — несколько листов: протокол осмотра места происшествия, список изъятого (пустой), объяснительные записки соседей. И всё. Ни перстня, ни подозреваемых, ни зацепок. Дело, которое он вёл три года назад и которое вынужден был закрыть «за недоказанностью» после того, как ему приказали сверху «не копать слишком глубоко».

А копал он тогда глубоко. Потому что Векслер был не просто ростовщиком — он был конкурентом Грязнова. И убит он был, скорее всего, по заказу самого Кандидова. Золотой перстень с монограммой «А.К.» — Александр Кандидов — был той ниточкой, которая вела к пауку. Но ниточку оборвали.

Теперь, когда Кандидов сбежал из французской тюрьмы, это дело вдруг обретало новый смысл. Если Бываев найдёт

доказательства, что Кандидов заказывал убийство Векслера, — это будет второй срок. И не французский, а российский. И уже без побегов.

— Спасибо, Калистратыч, — сказал Бываев, пряча папку. — Вы, как всегда, незаменимы.

— Стараемся, — усмехнулся старичок. — Вы только живой останьтесь, Иван Алексеевич. Больно много на вас покушаются.

Весь день Бываев провёл в раздумьях. Он перебирал в памяти старые дела, допрашивал свидетелей, которые ещё оставались в живых. Оказалось, что многие из тех, кто давал показания против Кандидова три года назад, уже умерли. Кто-то — от болезни, кто-то — несчастный случай, кто-то — вообще исчез без следа. Слишком много совпадений. Слишком удобно для Кандидова.

К вечеру Бываев устал, как собака. Голова гудела, глаза слипались. Он решил идти домой, отдохнуть, а завтра продолжить.

По Мойке он шёл знакомой дорогой — мимо того места, где когда-то стоял трактир «Золотой якорь». Теперь здесь был доходный дом с аптекой внизу. Фонари ещё не зажгли, но солнце уже село, и город погрузился в те лиловые, прозрачные сумерки, которые бывают только в Петербурге весной, когда небо ещё светлое, а земля уже тёмная.

Бываев шёл, смотрел под ноги — и вдруг почувствовал взгляд. Тот самый, от которого холодеет между лопаток. Не

оборачиваясь, он знал: кто-то идёт за ним. Не близко, не далеко — на расстоянии двадцати шагов. И идёт уже давно.

Он свернул в переулочек — спиной чувствуя, что преследователь свернул следом. Остановился у подворотни, вытащил револьвер — тот самый, казённый, который носил теперь с собой всегда, по привычке, не снимая даже дома. И резко обернулся.

В конце переулка, у фонарного столба, стояла фигура. Невысокая, плотная, в чёрном пальто и шляпе-котелке. Лица не разглядеть — слишком темно, слишком далеко. Но Бываев узнал бы этот силуэт из тысячи. Плечи. Походка. Та особенная, надменная прямая спина, которая бывает только у людей, привыкших смотреть на мир сверху вниз.

— Кандидов, — прошептал Бываев, не веря своим глазам.

Фигура сделала шаг вперёд — и растворилась в сумерках. Или нырнула в подворотню. Или просто померещилась.

Бываев бросился вперёд, к фонарному столбу. Никого. Пусто. Только свет фонаря дрожит на мокрой брусчатке, да где-то вдалеке играет шарманка.

— Померещилось, — сказал он себе. — Устал. Переутомился.

Но сердце колотилось где-то в горле, и рука, сжимавшая револьвер, дрожала.

Он постоял ещё минуту, огляделся и пошёл домой — уже не спеша, а почти бегом, поминутно оглядываясь.

Матрёна встретила его на пороге с подозрением — по ли-

цу мужа она научилась читать тревогу.

— Что случилось, Иван? Ты белый, как стена.

— Ничего, — солгал он. — Устал. Дай чаю.

— Ты врёшь, — сказала она, подавая кружку. — Я вижу, когда ты врёшь. Что? Опять это дело? Опять Кандидов?

— С чего ты взяла?

— С того, что ты последние полгода спал спокойно. А сегодня — вон, руками трясёшь. Значит, опять он.

Бываев молчал. Что он мог сказать? Что видел тень? Что ему почудилось? Что враг, которого он посадил в тюрьму за тысячи вёрст, вернулся, чтобы убить его?

— Брось ты это, Иван, — Матрёна села рядом, положила руку ему на плечо. — Дай другим. Пусть они ищут. Ты своё сделал.

— Не могу, — сказал он. — Это моё дело. Моя война.

— Война, — горько повторила она. — Война у людей бывает на фронте. А у нас — на кухне. С твоей правдой, Иван.

Она ушла в спальню, не попрощавшись. Бываев остался один.

В кабинете он достал папку № 117, перечитал в сотый раз. Векслер, убийство, перстень с монограммой «А.К.». Исчезнувшие улики. Мёртвый околоточный Степанов. Слишком много смертей вокруг одного дела.

Он закрыл папку, положил в сейф — тот самый, который Шереметев выделил ему для особо важных документов. Запер.

— Кандидов, — сказал он в пустоту. — Если ты здесь — я тебя найду. Даже если придётся перерыть весь Петербург.

За окном шумела Нева — ледоход, треск, грохот. Весна шла по городу, сметая снег, грязь, старые обиды. Но некоторые обиды, казалось, не смывались даже половодьем.

Бываев лёг спать, но долго ворочался. Ему снилась тень — высокая, плотная, в чёрном пальто. Она шла за ним по Мойке, но он не мог ни догнать её, ни убежать.

Утром он проснулся с одной мыслью: Кандидов не просто вернулся. Он вернулся за ним. И теперь предстояло решить: прятаться или нападать первым.

Выбор, как всегда, был за ним.

Глава 2.

Воскресенье выдалось на редкость ласковым — таким, каким Петербург балует своих жителей разве что два-три дня в году, когда всё вдруг складывается: и солнце светит не слепя, а грея, и ветер дует с юга, а не с Финского залива, и даже Нева, обычно мрачная и угрюмая, блестит, как новенький пятак. Бываев проспал до девяти — неслыханная роскошь для человека, привыкшего вставать затемно. Матрёна уже возилась на кухне, пахло блинами и топлёным маслом.

— Иван, вставай, — позвала она, приоткрыв дверь в спальню. — Блины стынут. И погода — благодать. Пойдём гулять.

— Куда? — сонно спросил он.

— Куда глаза глядят. На Мойку, например. Набережную давно не видели. Погода-то какая!

Бываев сел на кровати, потёр лицо. Вчерашняя тень — Кандидов или его двойник — не выходила из головы. Но Матрёна права: нельзя жить одной работой. Тем более в воскресенье.

— Ладно, — сказал он. — Зови Находкина с Чумаком. Вместе веселее.

Находкин пришёл ровно в одиннадцать — при параде, в новеньком сюртуке, с отутюженными брюками и блестящими, как зеркало, сапогами. Он теперь был старшим писарем,

имел под началом трёх человек и жалованье двенадцать рублей в месяц — по тем временам очень прилично для холостого молодого человека. На щеках его цвели красные пятна, как всегда, когда он волновался, но волновался он сегодня не по службе.

— Здравствуйте, Иван Алексеевич! — выпалил он, переступая порог. — Здравствуйте, Матрёна Семёновна! А я сегодня, может быть, кое-кого встречу.

— Кого это? — спросила Матрёна, лукаво прищурившись.

— Да так... одну знакомую... — Находкин покраснел ещё гуще и уткнулся взглядом в пол. — Дочь булочника на Лиговке. Катенька. Мы с ней уже две недели... гуляем. По вечерам.

— Ого! — Бываев усмехнулся. — А нам не говорил?

— Боялся сглазить, — признался Находкин. — Она такая... необыкновенная. Рыжая, веснушчатая, смеётся громко, а когда злится — топает ногой. И пирожки печёт — пальчики оближешь.

— Жениться собрался? — спросила Матрёна.

— Рано пока, — застеснялся Находкин. — Но вообще... да. Со временем.

— Молодец, — сказал Бываев, хлопнув его по плечу. — Наш человек. Всё по-настоящему.

Чумак пришёл с опозданием — прихрамывая сильнее обычного, но бодрый, с тщательно расчёсанной бородой и

чистой рубаше. Он служил теперь смотрителем городского стрельбища за Нарвской заставой и, несмотря на протез и старые раны, выглядел почти счастливым.

— Здорово, орлы! — прогудел он с порога. — Куда намылились?

— На Мойку, гулять, — ответил Бываев.

— Хорошее дело. А я своих молодцов учу стрелять. Из револьверов, из винтовок, даже из пулемёта одного — привезли недавно, для испытаний. Представляете, Бываев, пулемёт — это же сила! Сто выстрелов в минуту!

— И много твои молодцы научились? — спросила Матрёна, подавая гостям блины.

— А ты бы видела! В прошлую субботу один парень, семёновский, с пятидесяти шагов попал в копейку. В копейку, представляешь! Я сам в молодости так не умел.

— А сейчас? — поддел Бываев.

— А сейчас я сижу на скамейке и командую, — усмехнулся Чумак. — Ноге покой нужен. Но револьвер в случае чего выхвачу. Не сомневайся.

Вышли около полудня. Солнце стояло высоко, воздух был прозрачным и каким-то особенно чистым — не тем петербургским, с гарью и сыростью, а почти деревенским. По Мойке плыли последние льдины — мелкие, ноздреватые, похожие на огромные куски сахара. На набережной былолюдно: гуляли маменьки с колясками, студенты в форменных тужурках, парочки под ручку. Даже привычная петербург-

ская угрюмость куда-то испарилась, уступив место весеннему оживлению.

Бываев шёл под руку с Матрёной — не потому, что этого требовал этикет, а потому, что ему хотелось касаться её, чувствовать тепло. Находкин семенил рядом, поминутно оглядываясь по сторонам — высматривал, не идёт ли его Катенька. Чумак ковылял сзади, опираясь на трость, но не отставал.

— Хорошо-то, как, — сказала Матрёна, глядя на реку. — Аж не верится, что есть на свете такая красота.

— Есть, — ответил Бываев. — Если уметь смотреть.

Они прошли мимо дома, где когда-то был трактир «Золотой якорь» — теперь там красовалась аптека с вывеской в виде зелёного креста и жирной надписью «Рецепты принимаются». Бываев невольно замедлил шаг. Тот самый куст сирени, за которым он прятался в памятную ночь, давно вырубili, но место осталось — пустое, залитое солнцем, почти безобидное.

— Ты чего задумался? — спросила Матрёна.

— Да так... вспомнил. Всё когда-то начинается, всё когда-то кончается.

— Кончилось бы уже, — вздохнула она. — Твои вечные начала.

Находкин вдруг остановился, встал на цыпочки, замер.

— Вон! Вон она! — зашептал он. — Катенька! С корзиной!

Вдали, у Синего моста, действительно шла молодая де-

вушка — невысокая, пухленькая, с рыжими кудряшками и ярким, как маков цвет, лицом. Увидев Находкина, она заулыбалась и помахала рукой.

— Иди, иди, — подтолкнул его Бываев. — Мы догоним.

Находкин, забыв о приличиях, побежал — вприпрыжку, как мальчишка. Чумак засмеялся ему вслед:

— Эх, молодость! Я в его годы тоже так бегал. Правда, за другой.

— А за кем? — спросила Матрёна.

— За женой, — просто ответил Чумак. — И догнал. Уже тридцать лет вместе.

Они пошли дальше, не спеша. У Синего моста толпа — небольшая, но плотная — собралась у самой воды. Слышались взволнованные голоса, женский плач, мужская брань. Бываев, привыкший к таким сценам, насторожился.

— Что там? — спросил он у пробежавшего мимо мальчишки.

— Утопленника выловили, барин, — ответил тот безо всякого испуга, даже с некоторым удовольствием. — Дяденька один. В воде весь день пролежал, разбух.

Бываев переглянулся с Чумаком. Тот кивнул — идите, я прикрою. Матрёна ухватила мужа за рукав:

— Иван, не лезь. Мы гулять пришли.

— Я только посмотрю, — сказал он, мягко освобождая руку. — Останься здесь.

Полицейские уже оцепили место. Тело лежало на набе-

режной, прикрытое рогожей, но Бываев успел заметить, что это мужчина лет сорока, в дорогом, но разорванном пальто, с лицом, которое смерть сделала почти неузнаваемым. Рядом с телом, на отдельной тряпице, лежали вещи: бумажник (пустой), часы (золотые, с гравировкой) и записка — сложенный вчетверо листок промокшей бумаги.

Бываев протиснулся ближе, но тут же был остановлен рукой в белой перчатке.

— А ну, гражданин, назад! — рывкнул полицейский чин в мундире с капитанскими погонами. — Место происшествия. Не велено.

— Я из Казанской части, — Бываев показал удостоверение. — Помощник пристава Бываев.

Чин посмотрел на удостоверение, на Бываева, усмехнулся.

— А, Бываев? Тот самый, что с Кандидовым воевал? Знаем. Но здесь не ваша епархия, Бываев. Это территория Адмиралтейской части. У нас свои сыщики есть. Не извольте беспокоиться.

— Можно хотя бы посмотреть, что там за записка? — спросил Бываев.

— Нельзя, — отрезал чин. — Начальство придёт — посмотрит. А вы, Бываев, идите гуляйте. Не мешайте.

Бываев отошёл, кипя от бессилия. Чумак ждал его в стороне.

— Ну что?

— Ничего. Прогнали. Не наша территория.

— А записка? Говорят, странная.

— Не видел. — Бываев досадливо махнул рукой. — Полицмейстер этот... из породы педантичных ослов.

Матрёна, увидев, что муж вернулся, выдохнула.

— Всё? Уходим?

— Уходим, — согласился он. — Только Находкина подождем.

Находкин подошёл, сияющий, держа Катеньку под руку. Девушка, впрочем, выглядела встревоженной — толпа, шум, покойник.

— Мы пойдём, Иван Алексеевич, — сказал Находкин. — Я Катеньку домой провожу. А то она боится.

— Идите, идите, — разрешил Бываев. — Только безглупостей.

Находкин покраснел, Катенька захихикала, и они скрылись в толпе.

Чумак, оставшись с Бываевыми наедине, вдруг насторожился.

— Бываев, — сказал он негромко, — погляди вон туда. К фонарю. Видишь?

Бываев посмотрел. У чугунного фонарного столба, в двух шагах от полицейского оцепления, стоял человек. Невысокий, худой, в чёрном длинном плаще с поднятым воротником, несмотря на тёплую погоду. Лица не разглядеть — тень от котелка и высокий воротник скрывали всё, кроме подбо-

родка. Но человек смотрел. Смотрел прямо на Бываева — пристально, не мигая, как удав на кролика.

— Вижу, — сказал Бываев. — Не нравится он мне.

— Мне тоже, — Чумак положил руку на револьвер под сюртуком.

— Не дёргайся. При людях не посмеет.

— А я не о том, что посмеет. Я о том, кто он.

— Кандидов? — прошептал Бываев. — Не может быть. Он плотнее, выше.

— А если нанял кого? Смотрящего? Навёл на тебя человека.

Бываев сделал шаг в сторону человека в плаще. Тот не двинулся, не отвёл взгляда. Ещё шаг. Человек в плаще вдруг развернулся и быстро пошёл прочь — в сторону Невского, ловко лавируя между прохожими.

— Стоять! — крикнул Бываев и бросился за ним.

Чумак, чертыхнувшись, ковылял следом. Матрёна осталась на месте, растерянно глядя им вслед.

Погоня была недолгой. Человек в плаще бежал не слишком быстро, но умело — нырял в подворотни, перепрыгивал через лужи, срезал углы. Бываев, несмотря на возраст и старые раны, не отставал, но и не приближался. Чумак давно отстал, только хрипел где-то сзади.

У выхода на Невский проспект человек в плаще обернулся. На одно мгновение — всего на одно — Бываев увидел его лицо. Бледное, худое, с острыми скулами и глубоко поса-

женными, горящими глазами. Не Кандидов. Совсем другой человек. Но взгляд — тот же, бешеный, ненавидящий.

Человек растворился в толпе. Бываев выскочил на Невский — пусто. Ни плаща, ни котелка, ни горящих глаз. Как не было.

Он вернулся к Мойке, тяжело дыша. Чумак сидел на лавочке, держась за сердце. Матрёна стояла рядом, бледная, с заломленными руками.

— Догнал? — спросил Чумак.

— Нет, — Бываев вытер пот со лба. — Ушёл. Как сквозь землю.

— Кто это был?

— Не знаю. Не Кандидов. Но он меня знает. И ненавидит. Матрёна подошла, взяла его за руку.

— Иван, — сказала она тихо, — поедem домой. Пожалуйста.

— Поедем, — согласился он.

Дома Бываев долго сидел у окна, глядя на Мойку. Солнце клонилось к закату, вода темнела, и в этом вечернем свете город казался чужим, враждебным. Кандидов, настоящий или призрачный, снова вошёл в его жизнь. А вместе с ним — новые опасности, новые загадки.

Матрёна подошла, обняла его со спины.

— Не лезь ты в это, Иван. Дай другим.

— Не могу, — сказал он. — Это моя война.

Она вздохнула, ничего не ответила и ушла на кухню ста-

вить самовар.

Бываев остался один — наедине с весной, которая не приносила тепла, и с тенью, которая не исчезала даже при свете дня.

Глава 3.

После неудачной погони и мрачных предчувствий у Синего моста компания собралась на набережной, растерянная и выбитая из колеи. Матрёна молча теребила край платка, Чумак перезаряжал револьвер — уже по привычке, на всякий случай, — а Быvaeв стоял, глядя на воду, и никак не мог прогнать из головы лицо человека в чёрном плаще. Не Кандидов. Кто же?

— Иван, — сказала Матрёна, — может, домой пойдём? Хватит на сегодня приключений.

— Какой домой, Матрёна Семёновна? — Чумак спрятал револьвер. — Погода — благодать, а мы носы повесили. Пойдёмте в Летний сад. Там сейчас, поди, сирень зацветает.

— Сирень в апреле? — усомнилась Матрёна.

— Ранняя в этом году весна, — улыбнулся Чумак. — Сама посмотришь.

Быvaeв колебался. Летний сад — место, где на них уже нападали однажды, полтора года назад. Память об этом была свежа: тогда Чумак убил человека впервые в жизни, и эта тяжесть до сих пор не отпускала старого солдата до конца. С другой стороны, отступать перед каждым тёмным переулком — значит признать своё поражение.

— Идём, — решил он. — Но держимся вместе. И без глупостей.

Летний сад в начале апреля — место странное, почти мистическое. Деревья стоят ещё голые, но почки уже набухли и вот-вот готовы лопнуть, выпустив на свет первую, робкую зелень. Дорожки посыпаны свежим песком, скамейки выкрашены, статуи — белые, мраморные — выглядывают из-за ещё не распустившихся кустов, как призраки прошлого. Пахло здесь сырой землёй, прелыми листьями и той особенной весенней свежестью, которую не спутаешь ни с чем.

Народу было немного — несколько няnek с детьми, одинокий старичок с книгой на скамейке, парочка влюблённых, которая держалась за руки и смотрела в одну точку. Бываев, Матрёна и Чумак пошли по центральной аллее — медленно, без спешки, наслаждаясь редкими лучами солнца, которые пробивались сквозь ветви.

— А хорошо здесь, — неожиданно сказала Матрёна. — Я и забыла, как здесь бывала в молодости. С подружками. Бегали, смеялись...

— И я бегал, — усмехнулся Чумак. — Правда, за ворами. Здесь, знаешь, любили прятаться карманники. Особенно у фонтана. Толпа, суета — самое раздолье.

— А сейчас есть? — спросил Бываев.

— А сейчас, говорят, прибрались. Полицию нарядили. Но всё равно шустрый народёк найдётся.

Они дошли до Главной аллеи, где статуи выстроились в ряд — римские боги, императоры, музы — и сели на скамейку. Солнце грело уже по-настоящему, и Бываев, прикрыв

глаза, почти задремал.

— Глядите-ка, — сказал вдруг Чумак, — знакомые лица.

Быбаев открыл глаза. По аллее, навстречу им, шёл Троекуров — в чёрном сюртуке, при галстукe, с тростью в руке. Рядом с ним — дама. Молодая, лет двадцати пяти, высокая, стройная, в дорогом, но скромном платье серого цвета, с кружевным зонтиком и маленькой шляпкой с вуалью. Троекуров, увидев Быбаева, на мгновение замер — и Быбаеву показалось, что в его глазах мелькнул страх. Но через секунду лицо Троекурова расплылось в приветливой улыбке.

— Иван Алексеевич! Какая встреча! — Он приподнял шляпу. — А мы вот, гуляем. Позвольте представить: Софья Андреевна Кологривова, вдова. Моя... давняя знакомая.

Дама слегка кивнула — ровно настолько, чтобы соблюсти приличия, но не больше. Взгляд у неё был холодный, оценивающий, и Быбаев поймал себя на мысли, что эта женщина ему не нравится. Слишком правильная. Слишком выдержанная. Слишком хорошо играет роль.

— Очень приятно, — сказал Быбаев, вставая. — А это моя жена, Матрёна Семёновна, и наш друг, Григорий Чумак.

Матрёна встала, поклонилась. Чумак ограничился кивком — он не любил церемоний.

— Вы, говорят, теперь при больших чинах, Иван Алексеевич, — сказал Троекуров, понижая голос. — Помощник пристава, казённая квартира, орден. Поздравляю.

— Спасибо, — сухо ответил Быбаев. — А вы, Виктор

Львович, как поживаете? Не слышно было давно.

— Дела, дела, — Троекуров отмахнулся. — Коммерция. Знаете, как теперь туго с заказами. Всё больше казённые контракты уходят кому надо, а нам — объедки. Но ничего, прорвёмся. Софья Андреевна помогает советом. Она у нас дама опытная, в коммерции толк знает.

Софья Андреевна улыбнулась — ледяной улыбкой, которая не тронула глаз.

— Виктор Львович преувеличивает, — сказала она голосом, в котором не было ни тепла, ни даже вежливой фальши. — Я всего лишь вдова. Мои познания ограничены хозяйством.

— И всё же, — Бываев посмотрел ей прямо в глаза, — как мужчина, который потерял жену, Виктор Львович, вы не думаете о новом браке?

Троекуров покраснел. Софья Андреевна — ни одним мускулом.

— Мы не настолько близки, чтобы обсуждать такие темы, — сказала она и отвернулась, показывая, что разговор окончен.

Матрёна незаметно ткнула Бываева локтем в бок — не лезь. Тот сделал вид, что не понял.

— Что ж, рад был встрече, — сказал он. — Не смею вас задерживать.

Троекуров поклонился, подал даме руку, и они пошли дальше по аллее. Бываев смотрел им вслед и думал: что-то

здесь не так. Троекуров — человек, который всегда держался в тени, который мстил Кандидову и помогал Быvaeву из ненависти, — вдруг стал коммерсантом? И эта женщина... Кто она на самом деле?

— Чумак, — тихо сказал Быvaeв, — последи за ними. Только осторожно.

— А ты? — спросил Чумак.

— А я тут посижу. Не хочу, чтобы нас видели вместе.

Чумак кивнул, поднялся и, прихрамывая, пошёл в ту же сторону, что и Троекуров, держась на почтительном расстоянии.

Быvaeв и Матрёна остались на скамейке одни. Солнце клонилось к закату, тени от статуй вытягивались, делались длинными и чёрными. В саду становилось прохладно.

— Иван, — сказала Матрёна, — что тебя беспокоит?

— Всё, — признался он. — Вчера — эта тень. Сегодня — записка уопленника. Потом человек в плаще. А теперь Троекуров с этой... как её...

— Кологривова.

— Да. Слишком много совпадений для одного воскресенья.

Матрёна взяла его за руку.

— Может, это всё накручиваешь ты себе? Вдруг ничего нет? Вдруг просто весна, просто люди гуляют, просто кто-то утонул — в Петербурге, где каждый день кто-то тонет?

— А человек в плаще? — спросил Быvaeв. — Который на

меня смотрел, как на приговорённого?

— Может, знакомый твой старый. Не узнал.

— Не было у меня таких знакомых.

Матрёна вздохнула, хотела сказать что-то ещё — и не успела.

Из кустов, прямо напротив скамейки, вылетел мальчишка — лет десяти, в рваной курточке и картузе набекрень. Он подбежал к Быvaeву, сунул ему в руку свёрнутую в трубочку бумажку и тут же бросился прочь, ловко ныряя между деревьями.

— Стой! — крикнул Быvaeв, но мальчишка исчез за поворотом аллеи, будто его и не было.

Матрёна охнула. Быvaeв развернул записку. Бумага была простой, из дешёвой писчей тетради, но почерк — каллиграфический, женский, с завитушками.

«Спасите меня. Я знаю всё про Кандидова. Завтра в полночь, у Казанского собора. Приходите один. А.К.»

— Что там? — спросила Матрёна, заглядывая через плечо.

— Ничего, — Быvaeв быстро сунул записку в карман. — Так, мальчишка балуется.

— Врёшь, — сказала Матрёна, и голос её стал жёстким. — Ты всегда врёшь, когда дело касается опасности. Я вижу по лицу. Покажи.

— Не покажу. Это служебное.

— Иван! — Она встала, глядя на него сверху вниз. —

Я твоя жена. Я имею право знать, что происходит. Если ты опять лезешь в эту кабалу — я должна быть готова. Готова к тому, что тебя могут убить. Или посадить. Или... ещё что.

— Никто меня не убьёт, — сказал Бываев, но голос его прозвучал неуверенно.

— Покажи, — повторила Матрёна.

Он вынул записку, развернул. Матрёна прочитала и побледнела.

— А.К.? — переспросила она. — Та самая... с перстнем?

— Не знаю. Может быть.

— И ты пойдёшь? Один? В полночь? К Казанскому собору?

— Должен.

— Не должен ты ничего! — Она заговорила громче, почти криком. — Это ловушка, Иван! Очевидная ловушка! Кандидов хочет тебя выманить и убить!

— А если не ловушка? — возразил Бываев. — Если кто-то действительно знает, где он, и боится?

— Тогда пусть придёт в участок. Днём. При свидетелях.

— Не придёт. Боится.

— И правильно боится! — Матрёна схватила его за рукав. — И ты бойся, Иван! Не ходи!

— Не кричи, — осадил её Бываев. — Идут люди.

Действительно, по аллее приближалась пара — пожилой господин с собачкой, который с любопытством косился на ссорящихся супругов. Матрёна замолчала, села на скамейку,

но рукав мужа не отпустила.

В этот момент вернулся Чумак — запыхавшийся, злой.

— Троекуров и его дама сели в пролётку и уехали на Петроградскую, — доложил он. — Дальше я не пошёл — хватит. А вы что тут? Опять ссоритесь?

— Нет, — сказала Матрёна ледяным голосом. — Мы обсуждаем, как Иван Алексеевич собирается идти в полночь к Казанскому собору на верную смерть.

Чумак нахмурился, посмотрел на Быбаева.

— Это правда?

— Записку получил, — Быбаев показал бумажку. — Кто-то, кто знает о Кандидове, просит о встрече.

— Ловушка, — сказал Чумак, даже не раздумывая. — Сто процентов. Кандидов знает, что ты придёшь на такой зов. Потому что ты — дурак. Извини, Иван Алексеевич, но это факт.

— Не дурак, а правдоискатель, — поправил Быбаев.

— Одно и то же, — вздохнул Чумак. — Но, если ты решил идти — я с тобой. Не один же?

— Там написано: приходить одному.

— А ты не слушайся. Там, где опасность, одному делать нечего.

Матрёна, услышав, что Чумак поддержал мужа, вскочила:

— Вы что, сговорились? Оба туда? Два дурака? А если вас убьют? Если не вернётесь?

— Вернёмся, — сказал Быбаев, но в голосе его не было

уверенности.

Они вышли из Летнего сада уже в сумерках. Солнце село, фонари ещё не зажгли, и город погрузился в ту самую лиловую мглу, которая делает Петербург похожим на акварель — размытый, нереальный, почти призрачный.

У выхода в Садовую улицу их ждали.

Трое. В чёрных пальто, с поднятыми воротниками, с лицами, скрытыми кепками. Они стояли у самого выхода — не прятались, не таились, просто ждали. Увидев Бываева, один из них — коренастый, с бычьей шеей — шагнул вперёд.

— Бываев? — спросил он хриплым голосом.

— Я, — ответил Бываев, чувствуя, как Чумак сзади растёгивает сюртук, чтобы удобнее было выхватывать револьвер.

— Попросить тебя хотели кое о чём, — второй, тощий, с длинным шрамом на щеке, достал из-за пазухи нож. — Отдай, что получил сегодня. Записку.

— Нет у меня никакой записки, — сказал Бываев, прикрывая собой Матрёну.

— Врёшь, — третий, самый молодой, с бледным веснушчатым лицом, вытащил такой же нож. — Мы видели. Мальчишка наш, подосланный. Отдай по-хорошему.

— Не отдам, — Бываев выхватил револьвер. — А вы — руки вверх. Полиция.

Нападавшие замерли на секунду. Потом коренастый усмехнулся:

— Полиция? Ты, Бываев, самозванец. У тебя нет полномочий здесь.

— Есть, — Чумак выстрелил в воздух. Грохот разнёсся по всей набережной, вспугнув голубей и заставив прохожих шарахнуться в стороны. — А ну, стоять!

Нападавшие переглянулись. Коренастый, видимо, старший, кивнул своим:

— Уходим. Но это не конец, Бываев. Слышишь? Не конец.

Они бросились врассыпную — двое в переулок, один через сад. Чумак выстрелил вдогонку — пуля сбила кору с дерева, но никого не задела.

— Не уйдёте! — крикнул он и бросился за ними, но Бываев схватил его за рукав:

— Стой! Не надо. Матрёну одну не бросим.

— А если они придут снова?

— Значит, встретим.

В эту минуту из ворот Летнего сада выскочил Троекуров — один, без дамы, с перекошенным лицом.

— Бываев! — закричал он. — Бываев, вы живы?

— Живы, — ответил Бываев, убирая револьвер. — А вы откуда?

— Я слышал выстрелы. Подумал... — Он запнулся, перевёл дух. — Слава Богу, вы целы. А где нападавшие?

— Убежали, — сказал Чумак, зло сплёвывая. — Слава Богу, тоже.

Троекуров подошёл ближе и вдруг пошатнулся, схватив-

шись за правую руку.

— Вы ранены? — спросила Матрёна.

— Пустяки, — Троекуров отнял ладонь — она была в крови. — Когда бежал, задел за ограду. Или пуля рикошетом... Не знаю. Главное — вы живы.

Бываев посмотрел на его руку. Рана была неглубокая, но кровоточила сильно — видно, задел острый край чего-то. Он достал носовой платок, передал Матрёне — та перевязала Троекурову руку быстро, умело.

— Спасибо, — сказал Троекуров. — И простите, что втянул вас в это. Если бы я не пошёл в сад...

— Вы тут ни при чём, — отрезал Бываев. — Нас нашли. И это не случайно.

— Что вы имеете в виду?

— То, что один из нападавших был в форме городского, — подал голос Находкин, который всё это время стоял в стороне, бледный как смерть. — Я видел. У того, коренастого, под пальто светилась форменная куртка. Полицейская.

Тишина повисла над набережной. Бываев переглянулся с Чумаком.

— Свои, — сказал Чумака. — Кандидов купил своих в полиции. Опять.

— Не просто купил, — поправил Бываев. — Они до сих пор работают на него. Даже после ареста. Даже после побега.

Он посмотрел на записку, которую всё ещё сжимал в кулаке. «А.К.» — кто бы это ни была, она звала его на встречу.

Знала, что он придёт. Знала, что ему нужна правда.

И она была права.

— Завтра в полночь я буду у Казанского собора, — сказал Бываев. — Один. Так, как написано.

— Иван! — закричала Матрёна.

— Не отговаривай. Я должен.

Чумак положил руку ему на плечо.

— Тогда я буду поблизости. На расстоянии выстрела.

— Договорились, — кивнул Бываев.

Они пошли домой — уже в полной темноте, под зажжёнными фонарями, которые бросали на мокрую брусчатку жёлтые, дрожащие круги. Матрёна молчала — не ругалась, не плакала, не уговаривала. Она знала: если Иван Алексеевич решил, его не переубедить. Оставалось только молиться.

Впереди была ночь, полная опасностей. И встреча, которая могла всё изменить.

Глава 4.

Утро понедельника началось для Бываева не с кофе и газеты, а со звонка Шереметева — раннего, настойчивого, не терпящего возражений.

— Бываев, — голос пристава был хриплым, будто он не спал всю ночь, — вы видели «Петербургский листок»?

— Ещё нет, ваше высокоблагородие. Только встал.

— А зря. Приезжайте в участок. Немедленно. И по дороге купите газету. Вы мне нужны трезвым и информированным.

Шереметев бросил трубку — не попрощавшись. Бываев посмотрел на телефонный аппарат, потом на Матрёну, которая уже стояла на кухне с половником в руке.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю. Но Шереметев не звонит в семь утра просто так.

Он наскоро умылся, натянул сюртук, даже не позавтракал. Матрёна сунула ему в карман краюху хлеба и три копейки — на газету.

— Вернись к обеду, — сказала она, перекрестив его в спину. — И без новостей.

— Какие у нас могут быть новости? — усмехнулся Бываев, хотя внутри уже всё холодело от предчувствия.

На углу Садовой и Вознесенского он купил свежий номер «Петербургского листка». Газета ещё пахла типограф-

ской краской — резкой, едкой, — и была влажной, как только что испечённый хлеб. Бываев развернул её на ходу и замер.

Первая полоса. Весь разворот. Крупный, в пол-листа заголовок:

«Кандидов на свободе! Беглец объявился в Берлине»

Ниже — подзаголовок, набранный жирным шрифтом:

«Эксклюзивное интервью нашего берлинского корреспондента с человеком, которого российское правосудие объявило врагом. Кандидов: “Меня осудили по наветам продажного полицейского Бываева”».

Бываев сел прямо на тумбу, не обращая внимания на прохожих, и принялся читать. Статья была длинной, развёрнутой, с подробностями, которые мог знать только сам Кандидов или кто-то из его ближайшего окружения.

Интервьюер — некий Генрих Фогель, корреспондент берлинской газеты «Berliner Tageblatt», который, по странному совпадению, оказался в тот день в ресторане «Адлон», где Кандидов, как ни в чём не бывало, завтракал с двумя дамами и господином в военной форме (немецкой или русской — газета не уточняла).

Кандидов выглядел, по словам корреспондента, «отдохнувшим, загорелым, элегантным». Он пил кофе, ел круассаны и давал интервью с такой лёгкостью, будто речь шла не о побеге из тюрьмы, а о погоде в Баварии.

— Меня осудили незаконно, — заявил Кандидов. — Всё

дело было сфабриковано бывшим полицейским Иваном Бы-
ваевым, человеком с тёмным прошлым, который сам был за-
мешан в коррупции и с помощью лжесвидетельств пытался
обелить себя. Я не убийца, я не заговорщик. Я — жертва си-
стемы.

— А двенадцать утопленников? — спросил корреспон-
дент.

— Не было никаких двенадцати утопленников, — улыб-
нулся Кандидов. — Это выдумки продажных журналистов.
Бываев создал миф, чтобы получить чин и награду. И он по-
лучил их. А я сидел во французской тюрьме за то, чего не
совершал. Теперь я на свободе и буду добиваться справед-
ливости. В том числе — в судах.

Бываев перечитал этот абзац три раза. Руки его дрожали
— не от страха, от ярости. «Не было утопленников»? «Вы-
думки»? А как же тела, которые он видел своими глазами?
Как же записки «Должник»? Как же свидетельства Лазарева,
Амалии Карловны, самого Чумака?

— Врёшь, — прошептал он вслух. — Врёшь, гад.

Статья заканчивалась многозначительно: «Кандидов не
исключает, что вернётся в Россию, чтобы “восстановить
справедливость”. На вопрос, не боится ли он ареста, беглец
ответил: “Мне нечего бояться. Правда на моей стороне”».

Бываев сложил газету, сунул под мышку и быстрым шагом
направился в участок.

Шереметев сидел в кабинете мрачнее тучи. Перед ним на

столе лежал тот же номер «Петербургского листка», весь испещрённый пометками красным карандашом.

— Прочитали? — спросил он вместо приветствия.

— Прочитал, — Бываев сел на стул, не дожидаясь приглашения.

— И что скажете?

— Скажу, что это провокация. Кандидов не мог дать интервью в Берлине, потому что он — если верить нашим источникам — уже в России. Это двойник. Или подставное лицо.

— Или он записал интервью заранее, — Шереметев постучал пальцем по газете. — До побега. И попросил опубликовать в нужный момент. Такое бывает.

— Всё равно, — Бываев повысил голос, — он врёт! Утопленники были! Я их видел!

— Я тоже видел, — устало сказал Шереметев. — И вы, Бываев, и я знаем правду. Но знаете, в чём проблема? Правда — она для нас. Для остального мира — то, что напечатано в газетах. А в газетах сейчас — Кандидов, который жалуется на жизнь и клянет продажного полицейского Бываева.

— Меня? — Бываев вскочил. — Меня — продажного? Да я три года голодал, чтобы доказать...

— Я знаю, — перебил Шереметев. — Сядьте.

Бываев сел. Шереметев встал, подошёл к окну, заложил руки за спину.

— Сверху уже звонят, Бываев. Из министерства. Спраши-

вают: что за скандал? Почему беглый преступник даёт интервью, а мы его не ловим? И почему наш, с позволения сказать, герой — Бываев — фигурирует в этой истории как взяточник и клеветник?

— А что вы им ответили?

— А я им ответил, что Бываев — лучший сотрудник моей части и что газеты врут. Но, — он повернулся, — если появятся ещё статьи — если начнётся новая травля — я не смогу вас защитить. Меня самого попросят. По-хорошему. Или по-плохому.

— Отстранить? — Бываев усмехнулся. — Вторично?

— Не дай Бог, — Шереметев подошёл к столу, сел напротив. — Но я обязан вас предупредить. Будьте осторожны. Не давайте повода. Не лезьте на рожон.

— А если Кандидов сам полезет? — спросил Бываев.

— Тогда — стреляйте первым, — жёстко сказал Шереметев. — И не спрашивайте разрешения.

Бываев вышел из кабинета в тяжёлом настроении. В коридоре его перехватил Находкин — бледный, с газетой в руке.

— Иван Алексеевич, вы видели?

— Видел.

— Это же чушь! Он врёт! Мы же знаем...

— Знаем, — Бываев остановился. — Но знаем — мы. А что знают другие? Что напечатано. А напечатана ложь.

— Что теперь будет?

— Не знаю, Находкин. Будем работать. Будем искать. Бу-

дем доказывать.

Он похлопал молодого писаря по плечу и пошёл к себе в кабинет — маленькую, тесную комнату, где на стенах висели карты Петербурга и портрет государя. Здесь, в тишине, он мог подумать.

На столе его ждал конверт. Белый, плотный, без обратного адреса. На конверте — только одно слово, написанное печатными буквами: «БЫВАЕВУ».

Он вскрыл конверт дрожащими руками. Внутри — листок бумаги, вырванный из тетради, с тем же каллиграфическим почерком, что и записка, брошенная мальчишкой в Летнем саду.

«Бываев, вы живы только потому, что Кандидов хочет лично с вами встретиться. Он в Петербурге. Ждите сигнала. Я выйду на вас, когда придёт время. А.К.»

Бываев перечитал письмо несколько раз. «А.К.» — та же подпись, что и вчера. Женщина, которая звала его на встречу к Казанскому собору. Женщина, которая знала о Кандидове. И которая теперь предупреждала его об опасности.

Кто она? Союзница или провокатор? Верить или бояться? Он спрятал письмо в сейф — туда, где уже лежала папка № 117 с делом Векслера и исчезнувшим перстнем. И почувствовал, как в груди разгорается старый, знакомый огонь — тот, который гнал его в погоню за правдой. Тот, из-за которого он терял всё, но не сдавался.

Домой он вернулся поздно — уже в сумерках. Матрёна

встретила его на пороге с перекошенным лицом.

— Ты газету видел? — спросила она.

— Видел.

— И что ты на это скажешь?

— Скажу, что это ложь. Кандидов — убийца. И я это докажу.

Матрёна вдруг всхлипнула — не заплакала, а именно всхлипнула, как ребёнок, которому сделали больно.

— Иван, — сказала она, — когда это кончится? Когда ты перестанешь быть героем? Когда мы заживём нормальной жизнью?

— Это нормальная жизнь, Матрёна, — ответил он, проходя в комнату. — Борьба за правду. Другой у меня нет.

— А я? — Она шла за ним, не отставая. — Я — не нормальная? Я — не правда?

— Ты — моя жизнь. Поэтому я и борюсь. Чтобы ты не стыдилась меня.

— Я никогда не стыдилась! — крикнула она. — Я боялась! Я всегда боялась, что тебя убьют! И сейчас боюсь!

Она подошла к нему, заглянула в глаза.

— Иван, я прочитала это письмо. То, что лежало на столе. От «А.К.». Ты думал, я не замечу? Ты думал, я слепая?

Бываев вздрогнул. Письмо из кабинета — он забыл запечатать сейф? Или Матрёна нашла ключ?

— Ты рылась в моих вещах? — спросил он.

— А ты скрываешь от меня опасность! — Она повысила

голос. — Ты идёшь на эту встречу? К Казанскому собору? В полночь? Один?

— Я должен.

— Не должен ты ничего! — Она схватила его за лацканы сюртука. — Иван, я боюсь не за тебя. Я боюсь, что ты победишь. Понимаешь? Что ты найдёшь Кандидова, докажешь свою правоту, и тогда... тогда они убьют тебя за это. Потому что ты слишком много знаешь. Потому что ты — живое доказательство их вины. Ты им мешаешь. Ты — заноза. А занозы выдёргивают.

— Матрёна...

— Не перебивай! — Она заплакала — уже по-настоящему, слезами, которые не вытирала, не стыдилась. — Я три года назад чуть не потеряла тебя. Ты лежал в подвале, избитый, с переломанными рёбрами, и я думала — всё, конец. Потом ты выкарабкался. Потом мы зажили. А теперь — снова. Те же лица, те же враги, та же правда. И я боюсь, Иван. Не смерти твоей боюсь — боюсь, что ты уйдёшь и я останусь одна. С этой правдой. С этой памятью. С этим пустым домом.

Она уткнулась ему в грудь, и Бываев обнял её — осторожно, как хрупкую вещь.

— Не останешься, — сказал он. — Я вернусь. Обещаю.

— Ты всегда обещаешь, — прошептала она. — И всегда врёшь.

— На этот раз — не вру.

Она подняла на него заплаканные глаза.

— А если всё-таки не вернёшься? Если они тебя... ну?

— Тогда ты будешь помнить, что твой муж был честным человеком. И это дороже любой пенсии.

Матрёна отстранилась, вытерла слёзы фартуком.

— Упрямый ты, Иван Алексеевич. Как осёл.

— Это ты мне уже говорила.

— И ещё скажу, — она вздохнула. — Иди уж. Только живым вернись. Слышишь? Живым.

— Постараюсь, — сказал он, целуя её в лоб. — Постараюсь.

Ночью, когда Матрёна уснула, Бываев сидел у окна и смотрел на Мойку. Луна светила ярко — почти как в белые ночи, — и вода в канале казалась серебряной, волшебной. Где-то в этом городе прятался Кандидов. Где-то бродила загадочная «А.К.» — женщина, которая знала больше, чем следовало. Где-то готовилось новое убийство или новое предательство.

Бываев вынул из кармана анонимное письмо, перечитал последнюю фразу: «Ждите сигнала».

Он ждал. И знал: сигнал придёт. А когда придёт — он будет готов.

Даже если ценой станет его жизнь.

Глава 5.

Утро вторника выдалось хмурым — небо затянуло свинцовыми тучами, и казалось, что вот-вот пойдёт дождь, но дождь всё не начинался, только воздух сделался тяжёлым, липким, как перед грозой. Бываев сидел в своём кабинете, перечитывал в сотый раз анонимное письмо от «А.К.» и понимал: ждать сигнала — значит терять время. Кандидов не дурак. Он уже в Петербурге — или вот-вот будет. И если не начать действовать сейчас, потом может быть поздно.

Мысль о Троекурове пришла неожиданно. У этого человека — связи. Тёмные, заграничные, негласные, но они есть. Если кто и может узнать, где на самом деле шатается Кандидов и кто ему помогает, так это Виктор Львович.

Бываев набрал номер — Троекуров ответил после третьего гудка, голос его был сонным, недовольным.

— Виктор Львович, это Бываев. Нужна ваша помощь.

— Слушаю, — в голосе Троекурова мгновенно проснулась привычная деловая собранность.

— Кандидов сбежал. Вы знаете?

— Кто ж не знает? Газеты полны. Вчера «Петербургский листок» вышел с сенсацией. Вы, Бываев, там в главных героях. Только в отрицательных.

— Это я уже прочитал. Мне нужно другое. У вас есть связи в европейских полициях — в Берлине, в Париже, в Вене.

Узнайте, где он на самом деле. Французы говорят, что он бежал в Россию. Немцы — что он в Берлине. Где правда?

Троекуров помолчал.

— Это стоит денег, Бываев. И немалых.

— Сколько?

— Пятьсот рублей. Минимум.

Бываев присвистнул. Пятьсот рублей — его годовое жалованье.

— У меня нет таких денег.

— А у меня — тем более, — сухо ответил Троекуров. — Я не благотворительное общество, Бываев. Если хотите информации — платите. Или ищите сами.

— Я найду, — жёстко сказал Бываев. — Но не через вас.

Он хотел положить трубку, но Троекуров остановил его:

— Погодите. Я подумал... Может, договоримся. Вы мне — услугу, я вам — информацию.

— Какую услугу?

— Моя знакомая, Софья Андреевна, которую вы видели в Летнем саду, просила помочь ей с одним делом. Наследство. Судебная тяжба. Нужен человек, который знает полицейскую кухню и может дать показания в суде. Вы согласны?

Бываев задумался. С одной стороны — противно. С другой — информация о Кандидове нужна позарез.

— Какие показания? — спросил он. — Если они правдивые — согласен.

— Правдивые, — заверил Троекуров. — Я не предлагаю

вам лжесвидетельствовать. Речь идёт о старом деле, где вы когда-то проходили свидетелем. Просто подтвердите то, что уже знаете.

— Хорошо, — сказал Бываев. — Но сначала информация. Где Кандидов?

— Ждите. Через день-два позвоню.

Троекуров повесил трубку. Бываев остался сидеть, глядя на телефон, и чувствовал, что совершил ошибку. Связываться с Троекуровым — всё равно что брать в руки змею. Но другого выхода не было.

В полдень его вызвал Шереметев. Пристав был бледнее обычного и, что удивительно, не пил чай — верный признак сильного беспокойства.

— Бываев, — сказал он, закрывая дверь кабинета. — Только что звонили из Адмиралтейской части. Нашли второго утопленника.

Бываев внутренне сжался.

— Где?

— На Фонтанке, у Прачечного моста. Помните, там первого нашли, полтора года назад, когда всё начиналось? Теперь — второго. И при нём — такая же записка.

— «Я знаю, где Кандидов»?

— Именно. — Шереметев протянул ему листок бумаги — копию записки, сделанную полицейским писарем. — Прочитайте.

Бываев взял лист. Почерк был другим — не каллиграфи-

ческим, как у «А.К.», а торопливым, нервным, с кляксами и помарками. Буквы прыгали, строчки съезжали вниз, будто писавший был в сильном волнении или под воздействием чего-то.

«Я знаю, где Кандидов. Он здесь. Он вернулся. Я видел его на Лиговке. Он обещал меня убить, если я скажу. Но я скажу. Пусть будет, что будет. Спросите у Быvaeва — он знает, где искать. Векслер, перстень, архив. Ключ у меня. Ждите сигнала. П.С.»

— Что за П.С.? — спросил Быvaeв. — Инициалы?

— Неизвестно. — Шереметев взял записку обратно. — Тело опознали. Убитый — мелкий чиновник, служил в архиве Министерства внутренних дел. Звали его... — он заглянул в протокол, — Степан Сергеевич Лосев. Тридцать два года, холост, жил на Петроградской стороне.

— Архив МВД? — Быvaeв нахмурился. — Это же доступ к секретным бумагам. Кандидов когда-то работал там же.

— Вот именно, — Шереметев понизил голос. — Лосев, судя по всему, что-то знал. Может быть, видел документы, компрометирующие Кандидова. Может быть, сам был с ним в сговоре. А теперь — мёртв.

— Кто нашёл тело?

— Рыбаки. Рано утром. Говорят, лицо не пострадало — можно опознать. Но убит он не утоплением — его застрелили, а потом бросили в воду. Пуля в затылке.

Быvaeв почувствовал, как холодок пробежал по спине.

Это был уже не ритуальный почерк Грязнова — топили должников. Это было профессиональное, хладнокровное убийство свидетеля.

— Кто ведёт следствие? — спросил он.

— Адмиралтейская часть. Но они тоже в растерянности. Улик нет, свидетелей нет, мотив непонятен. Я предложил им объединить усилия — намекнул, что это связано с нашим старым делом. Они согласились. Так что, Бываев, вы теперь в команде. Неофициально, конечно.

— Спасибо, — сказал Бываев, вставая. — Я начну сегодня же.

— Начинайте, — разрешил Шереметев. — Но осторожно. Убийца, похоже, не дурак. И он уже убрал двух свидетелей. Не станьте третьим.

Бываев вышел от Шереметева и сразу отправился к Находкину. Молодой писарь сидел в своей комнатухе, заваленной бумагами, и строчил какое-то прошение.

— Находкин, — сказал Бываев, закрывая дверь. — Бросай всё. Есть работа.

— Какая? — Находкин отложил перо.

— Нужно найти связь между двумя убитыми. Первый, у Синего моста, — личность не установлена. Второй — Лосев, чиновник из архива МВД. У обоих при себе записки: «Я знаю, где Кандидов». Оба убиты примерно одинаково — сначала выстрел, потом вода. Надо проверить, не пересекались ли они по службе, по знакомству, по каким-то делам.

— Думаете, их убил один человек?

— Уверен. Кандидов не действует сам. У него есть подручные. Возможно, те же, что и в прошлый раз. Рыжий Прокофий, например. Он, кстати, до сих пор не найден.

— А что с картофельным лицом? — спросил Находкин.

— Тоже исчез. Как сквозь землю провалились.

Находкин задумался, потом щёлкнул пальцами:

— Слушайте, Иван Алексеевич. А ведь оба убитых могли быть свидетелями по старому делу — о ростовщиках. Помните, тогда, полтора года назад, мы собирали показания. Многие отказывались — боялись. А некоторые согласились, но потом их показания не приняли из-за... ну, как тогда сказали — «недостаточности доказательств».

— Помню. — Бываев нахмурился. — И что?

— А то, что Лосев, возможно, был одним из тех свидетелей. Он работал в архиве, мог найти документы, которых у нас не было. И когда Кандидов вернулся — испугался. Захотел дать новые показания. А его убрали.

— А первый? У Синего моста?

— Первый — возможно, другой свидетель. Или кто-то, кто просто знал, где прячется Кандидов. Но мы не можем этого проверить, потому что личность не установлена.

Бываев встал, прошёлся по комнате.

— Значит, так. Ты, Находкин, берёшь старые списки свидетелей — те, что мы составляли после дела Грязнова. Проверяешь, жив ли каждый. Где живёт, чем занимается. Осо-

бое внимание — тем, кто переехал, сменил работу, исчез из виду.

— А вы? — спросил Находкин.

— А я пойду к Лосеву на квартиру. Может, найду что-то, что полиция пропустила.

Квартира Лосева на Петроградской стороне оказалась крошечной — одна комната с кухонным закутком, заставленная книгами и бумагами. Полиция уже побывала здесь, но, судя по бардаку, искали небрежно, в спешке. Бываев надел перчатки и начал осмотр.

На столе — стопка непрочитанных писем, счета, квитанции. В ящике — дневник, исписанный мелким, убористым почерком. Бываев открыл наугад.

«15 марта. Кандидов прислал письмо. Угрожает. Говорит, что я знаю слишком много и что, если не замолчу — будет как с Векслером. Я испугался. Надо идти в полицию. Но кому я нужен? Бываев, говорят, на хорошем счету. Может, ему?»

Бываев перевернул страницу. Запись от 20 марта:

«Решил. Напишу Бываеву. Пусть знает, что Кандидов вернулся. У меня есть ключ — тот самый, от ячейки на вокзале. Кандидов думал, что я уничтожил, а я спрятал. Если со мной что-то случится — ключ у Находкина? Нет, Находкина тоже могут найти. Лучше...»

Дневник обрывался. Видимо, Лосев не успел дописать — или кто-то вырвал последние страницы.

Бываев закрыл дневник, сунул его в карман. Ключ — от

ячейки на вокзале. Тот самый, который полтора года назад привёл его к папке с документами. Значит, Кандидов что-то спрятал снова? Или думал, что спрятал, а Лосев нашёл?

— Боже мой, — прошептал Бываев. — Всё начинается заново.

Он обыскал комнату ещё раз — за книгами, под половицами, в печке. Ничего. Ключа не было.

— Или ты его спрятал слишком хорошо, Степан Сергеевич, — сказал Бываев вслух. — Или убийца забрал.

Он вернулся в участок уже вечером. Находкин ждал его с новостями.

— Иван Алексеевич, я проверил. Из старых свидетелей — двадцать три человека. Шестеро умерли за последний год. Трое — от болезней, один — несчастный случай, двое — без объяснения причин. Просто исчезли. Тела не найдены.

— Кто эти двое?

— Один — лавочник с Лиговки, Василий Храпов. Второй — отставной коллежский ассессор, Пётр Николаевич Ртищев. Оба давали показания против Грязнова. Оба исчезли в феврале этого года.

— А что с Лосевым? Он в списке?

— Нет. Лосев не был свидетелем. Он вообще не фигурировал в деле. Но, возможно, он нашёл что-то в архиве. И поэтому его убрали.

Бываев сел, устало потёр глаза.

— Значит, так. Кандидов вернулся. Он уже убил как ми-

нимум двух человек — Лосева и того, первого, у Синего моста. И, возможно, ещё двоих — Храпова и Ртищева, если они не сами исчезли. Он охотится за теми, кто может его выдать. И он ищет ключ — тот самый, который был у Лосева.

— А что в ячейке? — спросил Находкин.

— Не знаю. Но, видимо, что-то очень важное. Может быть, новые документы. Может быть, доказательства, которых нам не хватало в прошлый раз.

— И что вы будете делать?

Быvaeв посмотрел на часы. Было уже восемь вечера. Полночь приближалась.

— Сегодня, — сказал он, — в полночь, я иду к Казанскому собору. Там меня ждёт «А.К.» — та, которая прислала записку. Если она действительно знает, где Кандидов, я должен её выслушать.

— Вы с ума сошли! — Находкин вскочил. — Это ловушка! Вас убьют!

— Может быть. — Быvaeв встал. — Но если я не пойду, мы никогда не узнаем правду.

— А Матрёна Семёновна? Она знает?

— Знает. И не одобряет. Но она понимает.

Находкин хотел возразить, но Быvaeв остановил его жестом.

— Ты, Находкин, остаёшься здесь. Если к часу ночи я не позвоню — звони Чумаку. Пусть ищет меня у Казанского собора. И Шереметеву — тоже. Понял?

— Понял, — глухо сказал Находкин. — Но вы, Иван Алексеевич, пожалуйста... вернитесь.

— Постараюсь, — улыбнулся Бываев. — Постараюсь.

Он вышел на улицу. Дождь наконец-то пошёл — мелкий, холодный, пронизывающий. Фонари горели тускло, и в их свете Петербург казался ещё более мрачным и неприветливым, чем обычно.

Бываев закурил папиросу, посмотрел на тёмное небо, на чёрную воду канала, на силуэты прохожих, которые торопились по домам, прячась от непогоды.

— Что ж, А.К., — сказал он в пустоту. — Посмотрим, кто вы и что вам нужно.

Он зашагал к Казанскому собору — в ночь, полную опасностей и тайн.

Впереди была встреча.

И, возможно, смерть.

Глава 6.

Ночь над Петербургом опустилась тяжёлая, беззвёздная, с низкими тучами, которые не пропускали ни лунного, ни городского света. Казалось, сам воздух сделался плотным, как кисель, и каждый шаг давался с трудом. Бываев шёл от Мойки к Невскому проспекту по набережной — туда, где возвышался Казанский собор, тёмный, величественный, похожий на спящего исполина.

Редкие прохожие попадались всё реже. Город засыпал — или делал вид, что засыпает, — и только фонари горели своим ровным, жёлтым, ничего не скрывающим светом. Бываев пересёк Невский, поднялся на крыльцо собора и остановился у массивных дубовых дверей, запёртых на ночь.

Тихо. Пустынно. Только бродячие собаки возятся у мусорных баков на противоположной стороне улицы, да вдалеке, у Гостиного двора, мелькает фигура фонарщика с длинной палкой — последний человек, который ещё не спит. Шпиль собора уходил в темноту, и казалось, что он подпирает само небо.

Бываев посмотрел на часы — без пяти двенадцать. Револьвер он держал в правой руке, под полой сюртука, и палец лежал на спусковом крючке — на всякий случай. Чумак, по уговору, должен был ждать неподалёку — у начала Невского, на таком расстоянии, чтобы слышать выстрелы, но не при-

влекать внимания. Матрёна, оставшись дома, наказала ему вернуться живым — и он пообещал, хотя сам в это не верил.

— Господин Бываев?

Голос раздался из тени — женский, негромкий, с лёгкой хрипотцой и едва уловимым французским акцентом. Бываев обернулся.

Из ниши между колонн вышла женщина. Молодая — лет двадцати пяти, не больше, — высокая, стройная, с бледным, почти прозрачным лицом и огромными тёмными глазами, в которых застыла какая-то обречённая решимость. Одета она была в чёрное — длинное пальто, шляпку с вуалью, и лишь лицо оставалось открытым. В одной руке она держала кожаный портфель, в другой — маленький дамский револьвер, опущенный стволом вниз.

— Анна Константиновна? — спросил Бываев, хотя уже знал ответ.

— Да, — она шагнула ближе, и свет ближайшего фонаря упал на её лицо. — Та самая «А.К.». Вы пришли. Я знала, что вы придёте.

— Вы писали, что знаете, где Кандидов. Я здесь, чтобы это узнать.

Анна Константиновна усмехнулась — горько, безрадостно.

— Кандидов? Я знаю не только, где он. Я знаю, кто ему помогает. Кто финансирует его побег. Кто даёт ему крышу здесь, в Петербурге. И у меня есть доказательства.

Она подняла портфель.

— Здесь — письма. Его письма к новым сообщникам. Имена, адреса, суммы. Без этого вы ничего не докажете. С этим — вы посадите его навсегда.

— Почему вы помогаете мне? — спросил Бываев, не беря портфель. — Вы же работали на него. Были его секретаршей.

— Была, — Анна Константиновна опустила глаза. — Пока не поняла, что он делает. Убивает людей, Анна. Не сам — руками подручных. Но приказы отдаёт он. Я вела его счета — видела, кому и сколько он платил за убийства. Когда я сказала, что ухожу, он пригрозил, что убьёт меня. Я бежала в Россию — думала, здесь буду в безопасности. А он бежал за мной.

— Он знает, что вы здесь?

— Знает. — Она подняла глаза, и Бываев увидел в них ужас. — Поэтому я и написала вам. Вы — единственный, кто может меня защитить. И единственный, кому я могу доверять.

— Садитесь на скамейку, — сказал Бываев, оглядываясь по сторонам. — Расскажите всё по порядку.

Они сели на чугунную скамью у соборной стены. Анна Константиновна положила портфель на колени, но Бываеву не отдавала.

— Я работала на Кандидова три года, — начала она. — Сначала в Париже — он открыл там контору после побега. Потом, когда его посадили во французскую тюрьму, я про-

должала вести его дела — через адвокатов, через подставных лиц. Я думала, что он просто бизнесмен. Тёмный, но бизнесмен. Пока не увидела расходные ведомости.

— Что в них было?

— Имена. Русские имена. И суммы — напротив каждого. Десять тысяч — за одного человека. Пять — за другого. И напротив некоторых — пометка «выполнено». Я поняла, что это заказы на убийства.

— Чьи заказы?

— Кандидова. И его партнёров — тех, кто остался в Петербурге. Князь Щербатов — вы его посадили. Но есть другие. Более высокие. Те, кого вы не тронули.

— Имена? — Бываев подался вперёд.

— В портфеле, — она похлопала по коже. — Письма, расписки, банковские выписки. Всё, что нужно для суда.

— Тогда отдайте портфель. И идите домой. Я всё сделаю. Анна Константиновна покачала головой.

— Нет. Я пойду с вами. Пока вы не начнёте действовать, я в опасности. Кандидов узнал, что я взяла документы. Его люди ищут меня. Они были у меня дома вчера — обыскали, перевернули всё. Если бы я не спряталась у подруги...

— Где вы живёте?

— На Петроградской. Но я не вернусь туда. Теперь я буду жить... не знаю где.

— В участке, — сказал Бываев. — В Казанской части. Там безопасно. Я попрошу Шереметева выделить вам комнату.

— Вы думаете, он согласится?

— Должен.

Анна Константиновна улыбнулась — впервые по-настоящему, не горько, а почти по-детски.

— Спасибо, Иван Алексеевич. Вы — добрый человек. Я читала о вас в газетах — и хорошее, и плохое. Но теперь я знаю: вы — настоящий. Тот, кто ищет правду.

— Не ищите, — сказал Бываев. — Просто отдайте портфель и идите.

Она протянула ему портфель — медленно, будто прощаясь с чем-то важным. Бываев взял, положил на колени, уже открыл замок, чтобы заглянуть внутрь...

И в этот момент грянули выстрелы.

Три выстрела — почти одновременно, с трёх сторон. Бываев услышал свист пуль, почувствовал, как одна из них прошила воздух в двух вершках от его головы, и упал на землю, увлекая за собой Анну Константиновну. Она вскрикнула — коротко, отрывисто, — и Бываев почувствовал, как её тело обмякло.

— Анна Константиновна! — закричал он. — Вы ранены?

Она не ответила. Он нашарил рукой её спину — пальцы стали мокрыми, липкими. Кровь. Много крови.

— Держитесь! — крикнул он, выхватывая револьвер. — Я сейчас!

Из темноты, из-за колонн, из кустов, бежали трое. Быва-

ев узнал их сразу — несмотря на полумрак, несмотря на панику, узнал. Рыжий Прокофий — тот самый, который считался бежавшим за границу. С ним — картофельное лицо и третий, незнакомый, с коротко стриженной головой и злыми, бегающими глазами.

— Бываев! — заорал Прокофий. — Бросай портфель! И убирайся!

— Не брошу! — Бываев выстрелил — дважды, почти не целясь. Пули ушли в сторону, только откололи кусок штукатурки от стены собора.

— Дурак! — закричал картофельное лицо и выстрелил в ответ.

Пуля ударила в чугунную скамейку — взвизгнула, рикошетом ушла в небо. Бываев пригнулся, перезарядил револьвер (руки дрожали, патроны выскальзывали из пальцев), выстрелил снова — и на этот раз попал. Коротко стриженный вскрикнул, схватился за плечо и упал на колени.

— Бросай оружие, Бываев! — Прокофий шагнул ближе. — Или я пристрелю её! — Он кивнул на Анну Константиновну, которая лежала недвижимо.

— Она уже ранена! — закричал Бываев. — Вы убили её!

— Не убили, — оскалился Прокофий. — Но добьём. Если не отдашь портфель.

Бываев посмотрел на Анну. Она открыла глаза — мутные, почти невидящие — и прошептала:

— Бегите... Иван Алексеевич... Бегите... Я всё равно уже...

— Нет! — закричал Бываев. — Я не брошу вас!

— Бегите! — Голос её стал твёрже, почти приказным тоном. — Портфель... важнее... моей жизни...

Бываев рванулся. Он схватил портфель, вскочил и побежал — в сторону Невского, туда, где, по расчёту, должен был ждать Чумак. Пули свистели сзади, одна ударила в мостовую в двух шагах, другая — в фонарный столб, разбив стекло. Бываев бежал, не оглядываясь, прижимая портфель к груди, как ребёнка.

— Бываев! — гремело сзади. — Всё равно найдём! Всё равно убьём!

Он свернул в подворотню, потом в другую, пересёк двор, выскочил на набережную канала. Здесь, наконец, он увидел Чумака — тот бежал ему навстречу, ковыляя, но быстро, с револьвером в руке.

— Бываев! Живой?

— Живой! — Бываев остановился, согнувшись, тяжело дыша. — А она... Анна... она там осталась...

— Кто?

— Свидетельница. Та, от которой портфель. Её подстрелили. Надо вернуться!

— Поздно, — Чумак схватил его за руку. — Слышишь? Там уже полицейские свистки. Идиот, ты чего? Тебя самого арестуют за стрельбу.

— Но она...

— Умерла, — жёстко сказал Чумак. — Если подстрелили

в спину — умерла. А портфель у тебя. Значит, не зря.

Бываев посмотрел на портфель — кожаный, тёмно-коричневый, с бронзовыми уголками. Он открыл его дрожащими руками. Внутри — папка, перевязанная тесьмой. Письма. Расписки. Банковские выписки. И фотография — Кандидов, молодой, в офицерском мундире, обнимает двух женщин. На обороте — надпись: «Париж, 1889. С любовью навсегда. А.К.»

Анна Константиновна. Та, которая любила его. И предала. И умерла за это.

— Боже мой, — прошептал Бываев. — Она же его...

— Кого?

— Любовница. Бывшая. Она хотела отомстить. И отомстила.

Он закрыл портфель, прижал к груди и, шатаясь, пошёл по набережной — прочь от Казанского собора, прочь от убитой женщины, прочь от погони. Чумак шёл рядом, поддерживая его под руку.

— Тебе домой, Бываев, — сказал он. — Отдохнуть. А завтра — разбирать бумаги. И ловить Кандидова.

— Завтра, — повторил Бываев. — Завтра.

Он поднял голову к небу. Тучи разошлись, и выглянула луна — бледная, больная, как лицо Анны Константиновны в тот миг, когда она отдавала ему портфель.

— Простите меня, Анна, — прошептал он. — Я не успел.

Луна не ответила. Только ветер завыл в трубах, и где-то

вдалеке залаяла собака — тоскливо, безнадёжно, как будто оплакивала ту, кого уже не вернуть.

Бываев перекрестился — по привычке, не задумываясь, — и зашагал домой.

В портфеле лежала правда. Та самая, за которую он готов был умереть. И которая уже стоила кому-то жизни.

Глава 7.

Бываев вернулся домой за полночь. Чумак довёл его до самой двери, помог подняться по лестнице — старый солдат ковылял, опираясь на костыль, но держался молодцом, только дышал тяжело после погони. У двери квартиры они остановились.

— Иван Алексеевич, — сказал Чумак, понижая голос, — может, не надо ей всё рассказывать? Матрёна Семёновна женщина нервная, испугается, начнёт кричать...

— Не могу не рассказать, — ответил Бываев, пряча портфель под мышку. — Она увидит кровь. Сама спросит. Врать не умею.

— Ну, смотри, — Чумак покачал головой. — Завтра зайду. Отдохни. И папку не выпускай из виду.

— Не выпущу.

Они простились. Чумак ковылял вниз по лестнице, а Бываев постоял с минуту перед дверью, собираясь с духом. Потом открыл ключом, шагнул в прихожую.

В квартире было темно. Только в спальне горел ночник — маленькая керосиновая лампа, которую Матрёна зажигала, когда ждала его допоздна. Он скинул сапоги, повесил пальто на вешалку — пальто было разорвано у плеча, видно, пуля задела, когда он падал, спасая Анну Константиновну. Под пальто — рубаха в крови. Своей? Чужой? Он не знал.

— Иван? — раздался из спальни сонный голос. — Ты?

— Я, — ответил он, проходя в комнату. — Не спишь?

Матрёна села на кровати, протёрла глаза. Ночник осветил её лицо — растерянное, ещё не понимающее. Потом взгляд упал на его рубашу, на тёмные пятна, на разорванный рукав.

— Боже мой! — она вскочила. — Что с тобой? Кровь? Ты ранен?

— Нет, — сказал он. — Не я.

— А кто? — Она подошла, заглянула в глаза. — Иван, что случилось? Где ты был? Я звонила в участок, мне сказали — ты ушёл. Находкин не отвечал. Чумак — тоже. Я думала... я думала, ты уже...

— Я жив, — он взял её за руки. — Сядь. Расскажу.

Они сели на кухне — так было принято в их доме для всех серьёзных разговоров. Бываев поставил портфель на стол, достал папку, положил перед собой. Матрёна молча смотрела на неё, и в глазах её рос страх — не тот, мгновенный, от вида крови, а тот, глубинный, который предвещает беду.

— Это документы, — сказал Бываев. — Они доказывают, что Кандидов и сейчас продолжает убивать. И что у него есть сообщники здесь, в Петербурге.

— Откуда они у тебя? — спросила Матрёна, и голос её был чужим, каким-то безжизненным.

— Мне передала женщина. Анна Константиновна. Бывшая секретарша Кандидова. Она хотела дать показания.

— Где она сейчас?

Бываев помолчал.

— Умерла. Её застрелили люди Кандидова. На моих глазах.

Матрёна закрыла лицо руками. Молчала долго — так долго, что Бываев начал беспокоиться. Потом убрала руки, и он увидел, что она не плачет. Она зла.

— Иван, — сказала она, — ты принёс смерть в наш дом. Опять.

— Я принёс правду, — возразил он.

— Какая правда? — она встала. — Правда в том, что сегодня убили женщину на твоих глазах. Завтра убьют тебя. Послезавтра — меня. А после — и детей у нас нет, так что и помянуть будет некому. Вот твоя правда, Иван!

— Матрёна...

— Не перебивай! — Она закричала — впервые за долгое время, так, как кричала в те страшные годы, когда он был без работы, когда они голодали, когда соседи показывали пальцем. — Ты ищешь правду, но вокруг тебя только смерть! Ты не спасаешь — ты губишь! Эту женщину ты спас? Нет! Она умерла у тебя на руках! А ты мог бы не ходить на эту встречу! Мог бы отдать папку в полицию и забыть! Но нет — тебе нужно самому, в одиночку, геройствовать!

— Я не геройствую, — тихо сказал Бываев. — Я делаю то, что должен.

— Ты ничего не должен! — Она подошла к нему вплотную, ткнула пальцем в грудь. — Ты должен только мне —

быть живым! А ты каждый день рискуешь жизнью ради тех, кто тебе даже не родня! Ради какой-то правды, которой никто не благодарен!

— Мне не нужна благодарность.

— А мне нужен муж! — Она всхлипнула, но быстро взяла себя в руки. — Живой муж, Иван. Не герой, не мученик, не покойник. Просто муж. Который приходит домой, ужинает, спит рядом и не приносит в дом окровавленную одежду.

Она замолчала. Бываев молчал тоже. В кухне было тихо — только часы тикали на стене да где-то за окном лаяла собака.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил он.

— Отдай папку Шереметеву, — твёрдо сказала Матрёна. — Пусть он разбирается. Он — пристав. У него есть полномочия, люди, ресурсы. А ты — маленький человек, Иван. Ты не можешь воевать со всей этой системой.

— Не могу, — согласился он. — Но я могу попытаться. И я попытаюсь.

Она посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Тогда, — сказала она, — спи сегодня один.

Она взяла подушку, одеяло и ушла в кабинет — к дивану, на котором он спал в те времена, когда они ссорились особенно сильно. Дверь захлопнулась — не громко, но отчётливо. Бываев остался один на кухне, перед раскрытой папкой, перед именами, датами, суммами — перед правдой, которая стоила жизни женщине и которая теперь грозила разрушить его семью.

Он сидел долго — может быть, час, может быть, два. Пил остывший чай, смотрел в окно на тёмную Мойку, слушал, как за стеной ворочается Матрёна. Ему было больно. Не от ран — от того, что он не мог выбрать между нею и правдой.

И знал, что выбора, по сути, нет.

В дверь постучали — условным стуком: три коротких, один длинный. Свой. Бываев открыл. На пороге стоял Находкин — бледный, взъерошенный, с фонарём в руке.

— Иван Алексеевич, — сказал он, даже не поздоровавшись, — я узнал. Прокофий в Петербурге. Я видел его сегодня вечером на Лиговке. Он скрывается в старом доме, где раньше была ночлежка — там, где мы чуть не поймали его в прошлый раз.

— Точно он? — спросил Бываев.

— Точно. Я бы его ни с кем не спутал. Рыжий, с бакенбардами, и хромает — видно, в прошлый раз его всё-таки задели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.